А. Шопенгауэръ.

695.

О ВОЗРАСТАХЪ ЧЕЛОВѢКА.

Международная Библіотека.

№ 18.

Цѣна 15 коп.

ИЗДАНІЕ
Г. БЕЙЛЕНСОНА и І. ЮРОВСКАГО.

Типографія Исаковича, Одесса.
1894.

454
3

III F. 953

Международная Библіотека.

№ 18.

О ВОЗРАСТАХЪ ЧЕЛОВѢКА.

А. ШОПЕНГАУЕРА.

С. Ф. С. Р.
ИНСТИТУТ
ЕСА и ФР. ЭНГЕЛЬСА.
В. Ц. И. К.

ОДЕССА
Тип. Исаковича, уг. Гаванной и Дерибасовской с. д. № 10.
1894.

414438 У

Дозволено цензурою.—Одесса, 26 Апрѣля 1894 г.

О ВОЗРАСТАХЪ ЧЕЛОВѢКА.

Всю нашу жизнь мы живемъ настоящимъ, и только имъ. Разница лишь въ томъ, что въ началѣ мы видимъ передъ собой долгое будущее, а въ концѣ за собой длинное прошлое; затѣмъ въ томъ, что нашъ темпераментъ, хотя и не нашъ характеръ, испытываетъ нѣсколько извѣстныхъ измѣненій, которыя каждый разъ придаютъ настоящему другую окраску.

Въ своемъ главномъ сочиненіи „Міръ, какъ воля и представленіе“ я изложилъ, какъ и почему мы въ дѣтствѣ развиваемся болѣе со стороны познаванія, чѣмъ воли. На этомъ-то именно и основано блаженство первой четверти нашей жизни, вслѣдствіе котораго мы позже вспоминаемъ о ней, какъ о потерянномъ раѣ. Въ дѣтствѣ у насъ мало связей и мало потребностей, а слѣдовательно мало побужденій для воли: большая часть нашего духа и обращается на *познаваніе*. Подобно мозгу, достигающему къ 7 годамъ полной величины своей, и интеллектъ рано развивается, хотя и не достигаетъ зрѣлости, и неустанно ищетъ пищи въ цѣломъ мірѣ новой еще жизни, гдѣ все, рѣшительно все блещетъ прелестью новизны. Вотъ почему наши дѣтскіе годы являются непрерывной поэзіей. Вѣдь сущность поэзіи, какъ и всякаго искусства, состоитъ въ воспріятіи Платоновской идеи, т. е. существеннаго и слѣдовательно общаго всему роду, въ каждомъ отдѣльномъ объектѣ; при этомъ каждый

объектъ является представителемъ своего рода и каждый случай объемлетъ собой тысячи ихъ. И хотя въ наши дѣтскіе годы мы постоянно повидимому заняты только однимъ индивидуальнымъ предметомъ, однимъ явленіемъ и лишь на сколько это заинтересовало нашу волю въ данную минуту; но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Жизнь, во всемъ своемъ значеніи, стоитъ передъ нами въ такой новизнѣ и свѣжести и оказываетъ такое, не притупленное повтореніемъ, вліяніе,—что среди нашихъ дѣтскихъ забавъ мы постоянно молча и безъ явной преднамѣренности заняты отысканіемъ въ отдѣльныхъ сценкахъ и явленіяхъ самой сути жизни, основныхъ типовъ ея образованій и проявленій. Какъ выразился Спиноза, мы видимъ всѣ вещи и лица sub specie aeternitatis. Чѣмъ мы моложе, тѣмъ болѣе каждая единица представляетъ для насъ цѣлый родъ. Съ каждымъ годомъ это все слабѣетъ, на чемъ и основана разница впечатлѣній, какія вещи оказываютъ на насъ въ юности и старости.

Поэтому опытъ и знакомства изъ эпохи дѣтства и ранней юности становятся затѣмъ постоянными типами и рубриками всего позднѣйшаго познанія и опыта, какъ бы категоріями ихъ, подъ которыя мы подводимъ все позднѣйшее, хотя и не всегда вполнѣ сознательно. Такимъ образомъ уже въ дѣтскіе годы образуется твердая основа нашего міровоззрѣнія, его глубина или пустота: позже она развивается и завершается; но не измѣняется по существу. И такъ, вслѣдствіе этого чисто объективнаго и потому поэтическаго взгляда, свойственнаго дѣтскому возрасту и поддерживаемаго тѣмъ, что

воля долго еще не выступаетъ со всей своей энергіей,—вслѣдствіе этого мы живемъ въ дѣтствѣ болѣе познаваніемъ, чѣмъ волей. Отсюда и тотъ серьезный, сосредоточенный взглядъ нѣкоторыхъ дѣтей, которымъ такъ удачно воспользовался Рафаель для своихъ ангеловъ, особенно рисуя Сикстинскую Мадонну. Поэтому-то именно и блаженны дѣтскіе годы настолько, что мы всегда съ тоской вспоминаемъ о нихъ.

Между тѣмъ, какъ мы такъ серьезно поглощены первымъ, *наглядным*ъ пониманіемъ вещей, съ другой стороны, воспитаніе стремится дать намъ *понятія*. Однако понятія не даютъ намъ истинно существеннаго; послѣднее, слѣдовательно, основа и истинное содержаніе всего нашего познанія, дается намъ наглядным воспріятіемъ міра. А таковое мы можемъ пріобрѣсти только сами, оно не можетъ быть никоимъ способомъ привнесено *извнѣ*. Вотъ почему наше умственное и нравственное достоинство дается намъ не извнѣ, а исходитъ изъ глубины нашего собственнаго существа, и никакое искусство Песталоцци не сдѣлаетъ изъ урожденнаго идіота мыслящаго человѣка: никогда! онъ родился идіотомъ и идіотомъ умретъ.—Описаннымъ глубоко внутреннимъ воспріятіемъ перваго наглядного внѣшняго міра и объясняется, почему обстановка и опытъ дѣтства такъ крѣпко сидятъ въ нашей памяти. Именно, мы нераздѣльно были поглощены ими, ничто насъ при этомъ не разсѣивало, мы смотрѣли на стоявшія передъ нашими глазами вещи, какъ если-бы онѣ были единственныя въ своемъ родѣ или даже вообще единственныя. Позже множество существующихъ вещей отнимаетъ у насъ и мужество, и

терпѣніе. Если теперь вспомнить сказанное мной въ упомянутомъ трудѣ, именно, что *объективное* существованіе всѣхъ вещей, т. е. существованіе ихъ въ одномъ *представленіи*, всегда доставляетъ удовольствіе, а *субъективное*, состоящее въ *волѣ*, связано съ сильной дозой боли и горечи,—то мы можемъ коротко выразить нашу мысль въ слѣдующемъ положеніи: всѣ вещи прекрасны для *воззрѣнія*, но ужасны въ *бытіи*. Сообразно же съ вышесказаннымъ, въ дѣтствѣ вещи знакомы намъ гораздо больше со стороны воззрѣнія, т. е. представленія, объективности, чѣмъ со стороны бытія, т. е. со стороны воли. А такъ какъ первая сторона—прекрасна, а ужасная субъективная сторона намъ еще не извѣстна, то поэтому молодой интеллектъ и считаетъ блаженными существами все, что показываетъ ему дѣйствительность и искусство, онъ полагаетъ, что красивыя съ виду, онѣ еще красивѣе въ бытіи. Міръ, поэтому представляется ему какимъ-то раемъ: всѣ мы родились въ Аркадіи. Отсюда нѣсколько позже проистекаетъ жажда дѣйствительной жизни, жажда подвиговъ и страданій, бросающая насъ въ жизненный водоворотъ. Въ немъ мы знакомимся затѣмъ съ другой стороной вещей, со стороной бытія, т. е. воли, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются терніи. Тогда понемногу наступаетъ сильное разочарованіе, по наступленіи котораго, какъ говорятъ, l'âge des illusions est passé: и все же оно идетъ далѣе, становится все сильнѣе. Соотвѣтственно этому можно сказать, что въ дѣтствѣ жизнь представляется намъ, какъ декорація, на которую мы смотримъ издали, а въ старости,—какъ декорація, находящаяся у насъ подъ носомъ.

Счастью дѣтства способствуетъ наконецъ и слѣдующее. Какъ въ началѣ весны вся листва имѣетъ одну окраску и почти одну форму; такъ и мы въ дѣтствѣ всѣ похожи другъ на друга и потому прекрасно гармонируемъ между собой. Съ возрастомъ же появляются различія, которыя все болѣе удаляются другъ отъ друга подобно радіусамъ круга.

Остальное время первой половины жизни, имѣющей много преимуществъ передъ второй, т. е. юность, омрачается, даже дѣлается несчастнымъ благодаря погонѣ за счастьемъ, твердой увѣренности, что оно должно встрѣтиться въ жизни. Отсюда истекаетъ постоянное разочарованіе въ надеждахъ и затѣмъ недовольство. Передъ нашими глазами въ капризныхъ образахъ витаютъ призрачныя картины неопредѣленнаго счастья, и мы тщетно ищемъ ихъ реальнаго первообраза. Вотъ почему въ юности мы большей частью недовольны своимъ положеніемъ и окружающимъ, каковы бы они не были; мы приписываемъ имъ то, что вездѣ связано съ пустотой и бѣдностью жизни, съ которой мы теперь впервые знакомимся и отъ которой мы совсѣмъ другого ожидали.—Много было бы выиграно, если бы можно было своевременными указаніями искоренить въ юношахъ мечту, будто въ мірѣ можно многое найти. Обыкновенно-же случается обратное, потому что большей частью мы узнаемъ жизнь сначала изъ поэзіи и только потомъ изъ дѣйствительности. Описанія поэзіи стоятъ передъ нашимъ взоромъ, освѣщенныя зарей нашей собственной юности—и вотъ мы мучимся желаніемъ видѣть ихъ осуществленными въ реальномъ мірѣ—достать радугу.

Юношѣ его будущая жизнь представляется въ видѣ интереснаго романа. Такъ зарождается описанный уже мной въ главномъ сочиненіи самообманъ. Вѣдь всѣ эти картины получаютъ въ нашихъ глазахъ такую прелесть именно потому, что это картины, а не дѣйствительность, и мы при наблюденіи ихъ обрѣтаемся въ полномъ покоѣ и удовлетворенности чистаго познанія. Быть осуществленнымъ значитъ быть исполненнымъ волей, а эта воля вызываетъ неизбѣжныя страданія.

Если такимъ образомъ характеръ первой половины жизни опредѣляется неудовлетвореннымъ стремленіемъ къ счастью, то характерной чертой второй половины нужно назвать—боязнь несчастія.

Когда, въ моей молодости у моихъ дверей раздавался звонокъ, я былъ доволенъ; я думалъ: ахъ, если бы оно сейчасъ пришло. Въ болѣе старые годы я въ такихъ случаяхъ чувствовалъ что-то въ родѣ страха; я думалъ: „вотъ оно приходитъ“.—Что касается міра человѣческаго, то для лучшихъ и даровитѣйшихъ людей, которые, именно какъ таковые, не вполнѣ принадлежатъ къ нему и потому стоятъ болѣе или менѣе одиноко, соотвѣтственно степени своихъ преимуществъ — для этихъ людей также существуетъ два рода ощущеній: въ юности часто чувствуешь какъ будто онъ тебя *оставилъ;* въ болѣе поздніе годы наоборотъ, какъ будто ты отъ него *избавился*. Первое ощущеніе, непріятное, основано на незнакомствѣ, второе, пріятное, на знакомствѣ съ нимъ.—Вслѣдствіе этого вторая половина жизни, подобно второй половинѣ музыкальнаго періода отличается меньшими порывами, но большимъ спокойствіемъ, чѣмъ первая, вообще основанная на мнѣніи юности, будто въ мірѣ можно найти Богъ знаетъ сколько счастья и наслажденія и трудно только добиться его; наоборотъ, въ старости мы знаемъ, что и добиваться-то нечего, и слѣдовательно, совершенно успокоившись на этотъ счетъ, наслаждаемся сноснымъ настоящимъ и радуемся даже мелочамъ.

Опытъ жизни даетъ взрослому человѣку прежде всего одно качество, благодаря которому онъ иначе смотритъ на міръ—это—*безпристрастіе*. Тутъ мы впервые смотримъ на вещи просто и считаемъ ихъ тѣмъ, что онѣ есть; между тѣмъ какъ въ глазахъ мальчика и юноши дѣйствительный міръ вытѣсняется миражемъ, сотканнымъ изъ собственныхъ мечтаній, наслѣдственныхъ предразсудковъ и странныхъ фантазій.

Въ молодости мы думаемъ, что играющія въ нашей жизни важную роль обстоятельства и личности прошумятъ на весь міръ; однако въ старости, оглядываясь назадъ, мы видимъ, что всѣ они проскользнули совсѣмъ тихо, прошли черезъ заднюю дверь и остались почти незамѣченными.

Далѣе съ разбираемой до сихъ поръ стороны жизнь можно сравнить съ вышитой матеріей, которую каждый первое время видитъ съ лицевой стороны, а позже съ обратной; послѣдняя не такъ красива, но болѣе поучительна: она дозволяетъ видѣть связь нитей.

Умственное превосходство, даже самое крупное, можетъ вполнѣ проявиться въ разговорѣ только послѣ сороковаго года. Оно само можетъ не-

рѣдко превзойти зрѣлость лѣтъ и плоды опыта, но оно никогда ихъ не замѣнитъ: а они даже самому простому человѣку даютъ въ руки извѣстное оружіе противъ величайшихъ геніевъ, пока тѣ молоды. Я говорю здѣсь только о личностяхъ, не о произведеніяхъ.

Всякій чѣмъ либо выдающійся человѣкъ, не принадлежащій къ столь слабо одареннымъ природой $^5/_6$ человѣчества, никогда почти не будетъ свободенъ отъ извѣстной степени мизантропіи, послѣ своего 40-го года. Вѣдь онъ, вполнѣ естественно, судилъ о другихъ по себѣ и по немногу долженъ былъ разочароваться, увидѣвъ, что они отстаютъ и не могутъ сравниться съ нимъ или со стороны ума, или со стороны сердца, чаще же всего со стороны обоихъ; поэтому онъ охотно избѣгаетъ связей съ ними; и вообще каждый будетъ любить или ненавидѣть одиночество, т. е. свое собственное общество сообразно со своей внутренней цѣнностью. Объ этого рода мизинтропіи говоритъ и Кантъ въ своей критикѣ силы сужденія, въ концѣ общаго примѣчанія къ § 29 первой части.

Для *молодаго* человѣка будемъ плохимъ въ интеллектуальномъ, а также и въ моральномъ отношеніи знакомъ, если онъ рано можетъ разобраться въ круговоротѣ человѣческой жизни, сразу чувствуетъ себя тамъ, какъ дома, и вступаетъ туда, какъ бы совершенно подготовившись: это указываетъ на заурядность его. Наоборотъ, неловкое, неумѣлое, смущенное и превратное поведеніе свидѣтельствуетъ въ данномъ отношеніи о болѣе благородной натурѣ.

Радостное настроеніе и подъемъ духа въ юности объясняется отчасти тѣмъ, что мы идемъ вверхъ, на гору и не видимъ смерти, лежащей съ другой стороны, у подошвы. Но разъ мы перешли за вершину, мы собственными глазами видимъ смерть, о которой до тѣхъ поръ знали только по разсказамъ; и вотъ у насъ падаетъ подъемъ духа, такъ какъ къ тому же времени уменьшается и жизненная сила, мрачная серьезность вытѣсняетъ юношескую самонадѣянность и это отпечатлѣвается на лицѣ. Пока мы молоды, мы ни на чьи слова не обращаемъ вниманія, считаемъ жизнь безконечной и сообразно этому распоряжаемся своимъ временемъ. Чѣмъ старше мы становимся, тѣмъ экономнѣе тратимъ мы свое время. Въ болѣе поздніе годы каждый прожитый день вызываетъ въ насъ такое же ощущеніе, какое при каждомъ своемъ шагѣ испытываетъ преступникъ, ведомый на казнь.

Съ точки зрѣнія юности жизнь—безконечно долгое будущее; съ точки зрѣнія старости она — очень короткое прошедшее; такъ что въ началѣ она представляется намъ, какъ вещи, на которыя мы смотримъ черезъ объективное стекло бинокля; подъ конецъ мы начинаемъ смотрѣть черезъ противоположное стекло. Нужно сдѣлаться старымъ, т. е. прожить долго, чтобы понять, какъ коротка жизнь.—Чѣмъ старѣе мы становимся, тѣмъ мельче кажутся намъ всѣ безъ исключенія человѣческія дѣла и вещи: жизнь, въ юности стоявшая передъ нами твердо и непоколебимо, представляется намъ теперь быстрымъ потокомъ эфемерныхъ явленій: суета всего цѣлаго выступаетъ на первый планъ. —

Само время движется въ нашей юности болѣе медленною поступью; вотъ отчего первая четверть нашей жизни не только самое счастливое, но и самое продолжительное время, такъ что она оставляетъ въ насъ найболѣе воспоминаній и каждый при случаѣ можетъ разсказать изъ этого періода гораздо болѣе, чѣмъ изъ двухъ слѣдующихъ. И даже въ концѣ-концовъ въ весну жизни, какъ и въ весну года, дни становятся томительно долгими. Въ осень обоихъ они становятся коротки, но яснѣе и постояннѣе.

Отчего же въ старости жизнь, лежащая позади насъ, кажется столь короткой? Потому что мы считаемъ ее такой же короткой, какъ и наше воспоминаніе о ней. Изъ послѣдняго же исчезаетъ все незначительное и многое непріятное, а слѣдовательно, мало остается. Потому что наша память чрезвычайно несовершенна, какъ и вообще нашъ интеллектъ: въ заученномъ мы должны упражняться, прошедшее пережевывать, если не хотимъ, чтобы оно постепенно кануло цѣликомъ въ лету забвенія. Мы же обыкновенно не перебираемъ въ нашей памяти незначительнаго, а большей частью и непріятнаго; а это необходимо, чтобы сохранить ихъ въ памяти. Но незначительное постоянно увеличивается въ своихъ размѣрахъ, потому что благодаря частымъ и наконецъ безчисленнымъ повтореніямъ многое, сначала казавшееся значительнымъ, постепенно становится малозначущимъ; вотъ почему мы лучше помнимъ о раннихъ годахъ, чѣмъ о болѣе позднихъ. А чѣмъ долѣе мы живемъ, тѣмъ меньше явленій кажутся намъ достаточно важными или значительными, чтобы за-

тѣмъ вспоминать о нихъ, безъ чего они не могутъ утвердиться въ памяти; и такъ они забываются, какъ только прошли. Такимъ образомъ время оставляетъ по себѣ все менѣе и менѣе слѣдовъ.— Далѣе, мы неохотно вспоминаемъ о непріятномъ, особенно когда оно затрогиваетъ наше тщеславіе; а такъ оно и случается по большей части, потому что лишь немногія страданія постигаютъ насъ совершенно безъ нашей вины. Поэтому, слѣдовательно, и изъ непріятнаго мы многое забываемъ. Вотъ вслѣдствіе этихъ двухъ исключеній наша память и становится такой ограниченной и относительно все ограниченнѣе, чѣмъ больше ея кругозоръ. Какъ предметы, стоящія на берегу, отъ котораго мы удаляемся на пароходѣ, кажутся намъ все меньшими, менѣе ясными и труднѣе различимыми,—такъ тоже происходитъ и съ нашими годами, съ ихъ дѣятельностью и приключеніями. Къ этому присоединяется еще и то, что по временамъ память и воображеніе рисуютъ намъ давно прошедшія сцены нашей жизни такъ ярко, какъ будто бы онѣ произошли вчера; и эти сцены кажутся намъ чрезвычайно близкими, такъ какъ намъ невозможно столь же ярко представить себѣ весь протекшій съ тѣхъ поръ промежутокъ; во первыхъ, его нельзя совмѣстить и обозрѣть въ одной картинѣ, во 2-хъ, кромѣ того, все происшедшее въ теченіи его большей частью забыто и отъ него осталось только общее сознаніе in abstracto, не представленіе, а только понятіе. Вотъ почему отдѣльныя явленія изъ давнопрошедшаго представляются намъ столь близкими, какъ будто произошли вчера, промежутки же между ни-

ми исчезаютъ и вся жизнь кажется намъ невыразимо короткой. Иногда даже въ старости лежащее за нами длинное прошлое и самый нашъ возрастъ минутами кажутся намъ какъ бы какимъ-то сномъ, легендой; это происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что мы все еще видимъ передъ собой то же стоящее передъ нами настоящее. Въ концѣ-концовъ подобныя явленія основаны на томъ, что не наше существо само по себѣ лежитъ во времени, а лишь проявленія его, и что между субъектомъ и объектомъ настоящее служитъ точкой соприкосновенія.—Почему, далѣе въ юности лежащая передъ нами жизнь кажется намъ столь необозримо долгой? Потому что намъ нужно мѣсто для безграничныхъ надеждъ, которыми мы наполняемъ эту будущую жизнь и для исполненія которыхъ не хватило бы вѣка Маѳусаила; затѣмъ потому, что мѣриломъ мы беремъ немногіе прожитые уже годы, воспоминаніе о которыхъ всегда богато содержаніемъ и стало быть длинно; новизна всему придавала въ нашихъ глазахъ значеніе, мы все вспоминали послѣ не разъ и, такимъ образомъ, закрѣпляли его въ своей памяти.

Иногда намъ кажется, что мы жаждемъ возвратиться въ какое-либо *мѣсто;* между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы жаждемъ лишь возвратиться въ то *время*, какое мы тамъ провели болѣе молодыми и свѣжими. Такъ обманываетъ насъ время подъ маской пространства. Отправимся туда, и мы поймемъ обманъ.

Есть два пути, чтобы достигнуть глубокой старости, при безболѣзненной конституціи организма, какъ conditio sine qua non; ихъ можно сравнить съ горѣніемъ двухъ лампъ: одна горитъ долго потому, что рядомъ съ незначительнымъ количествомъ масла, снабжена тонкой свѣтильней, другая потому, что при чистой свѣтильнѣ въ ней много масла; масло—это жизненная сила, свѣтильня—это расходованіе ея тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ отношеніи жизненной силы насъ до 36 года можно сравнить съ тѣми, кто живетъ на проценты со своего капитала: что сегодня издерживается, завтра снова возстановляется. Послѣ этого пункта для аналогіи нужно взять рантье, который начинаетъ затрогивать свой капиталъ. Въ началѣ это проходитъ незамѣтно; большая часть расходовъ все еще сама собой возстановляется; небольшой недостатокъ ихъ не обращаетъ на себя вниманія. Однако понемногу онъ растетъ, становится замѣтнымъ, приростъ его съ каждымъ днемъ усиливается: онъ уноситъ все больше и больше, каждый новый день бѣднѣе предыдущаго, безъ надежды на остановку. Такъ ускоряется уничтоженіе, подобно паденію тѣлъ—пока наконецъ ничего не остается. Особенно печально, когда разомъ таютъ оба объекта нашего сравненія, и жизненная сила и имущество: вотъ почему къ старости возрастаетъ любовь къ обладанію.—Наоборотъ, въ началѣ, до совершеннолѣтія и нѣсколько послѣ него мы въ отношеніи жизненной силы напоминаемъ тѣхъ, кто изъ процентовъ прибавляетъ еще кое-что къ капиталу: не только израсходованное возстановляется само собой, но и капиталъ еще увеличивается. И то же самое случается иногда и съ деньгами, благодаря заботамъ честнаго опекуна. О, счастливая юность! О, печальная старость!—Тѣмъ не менѣе юно-

шескія силы надо щадить. Аристотель замѣчаетъ (Polit. L. ult. c. 5), что изъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ только двое или трое побѣдили разъ мальчиками и затѣмъ другой разъ мужчинами; благодаря раннему напряженію, котораго требуетъ преждевременное упражненіе, силы истощаются на столько, что ихъ не хватаетъ позже, въ зрѣломъ возрастѣ. Какъ это вѣрно относительно мускульной силы, такъ въ еще большей степени приложимо это къ силѣ нервной, проявленіемъ которой служитъ всякій интеллектуальный трудъ. Поэтому ingenia praecocia, геніальные дѣти, плоды тепличнаго воспитанія, поражающіе насъ въ молодости, становятся позже обыкновенными посредственностями. Даже, раннее вынужденное напряженіе для изученія древнихъ языковъ также виновато, вѣроятно, въ послѣдующемъ слабоуміи многихъ ученыхъ головъ, въ ихъ неспособности къ выработкѣ собственныхъ мнѣній.

Я замѣтилъ, что характеръ почти всѣхъ людей, повидимому, соотвѣтствуетъ преимущественно какому-либо одному возрасту, такъ что въ этомъ возрастѣ онъ является передъ нами въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Одни—очень милые юноши—и затѣмъ кончено; другіе—сильные дѣятельные мужчины, у которыхъ старость отнимаетъ всю цѣну; для третьихъ найболѣе благопріятнымъ временемъ оказывается старость, когда они мягче вслѣдствіе большаго опыта и хладнокровія: это часто бываетъ у французовъ. Дѣло, вѣроятно, въ томъ, что самъ характеръ заключаетъ въ себѣ нѣчто юношеское, мужественное или старческое, чему и соотвѣтствуетъ или коррективомъ чему и служитъ каждый возрастъ.

Какъ, находясь на кораблѣ, мы замѣчаемъ свое движеніе впередъ только по движенію назадъ и слѣдовательно уменьшенію предметовъ, остающихся на берегу; такъ точно мы замѣчаемъ, что старѣемся по тому, что намъ кажутся молодыми люди все высшихъ и высшихъ лѣтъ.

Уже выше изложено было, какъ и почему, чѣмъ мы дѣлаемся старше, тѣмъ меньше слѣдовъ оставляетъ въ насъ все, что мы видимъ, дѣлаемъ и переживаемъ. Въ этомъ смыслѣ можно было бы сказать, что мы только въ юности живемъ съ полнымъ сознаніемъ, въ старости же только съ половиннымъ. Чѣмъ мы старше, тѣмъ съ меньшимъ сознаніемъ мы живемъ: обстоятельства проходятъ мимо, не оставляя впечатлѣнія, подобно тому, какъ не вызываетъ его картина, которую мы видѣли тысячу разъ; мы дѣлаемъ то, что нужно, и затѣмъ не знаемъ, сдѣлали ли мы это. По мѣрѣ же того, какъ жизнь становится все безсознательнѣе и все болѣе приближается къ полной безсознательности, —по мѣрѣ этого и потому самому и время начинаетъ течь для насъ все быстрѣе. Въ дѣтствѣ новизна предметовъ и явленій все проводитъ черезъ сознаніе: день кажется поэтому необозримо долгимъ. Тоже самое происходитъ съ нами во время путешествій, когда одинъ мѣсяцъ кажется намъ болѣе долгимъ, чѣмъ 4 мѣсяца дома. Однако новизна нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы это, кажущееся намъ болѣе продолжительнымъ, время и дѣйствительно нерѣдко было въ обоихъ случаяхъ „продол-

44438

жительно" болѣе, чѣмъ въ старости, или болѣе, чѣмъ дома. Но понемногу, благодаря долгой привычкѣ къ однимъ и тѣмъ же воспріятіямъ, нашъ интеллектъ такъ шлифуется, что больше и больше вещей проходитъ мимо него безслѣдно; вслѣдствіе этого дни проходятъ все незначительнѣе и потому быстрѣе: въ юности часы длиннѣе, чѣмъ въ старости дни. И такъ, наша жизнь движется ускоряющимся движеніемъ, подобно скатывающемуся шару; и подобно тому, какъ на вращающемся вокругъ центра кругѣ каждая точка движется тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе она удалена отъ центра, такъ и для человѣка жизнь проходитъ все быстрѣе и быстрѣе, чѣмъ болѣе онъ удаленъ отъ начала жизни. Сообразно съ этимъ можно принять, что въ непосредственной оцѣнкѣ нашего духа продолжительность года находится въ обратномъ отношеніи къ возрасту; если, напр., одинъ годъ составляетъ $^1/_5$ нашей жизни, то онъ кажется намъ въ 10 разъ продолжительнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ составляетъ $^1/_{50}$ ея. Эта разница въ быстротѣ времени оказываетъ рѣшительное вліяніе на весь характеръ нашего существованія въ каждомъ возрастѣ. Прежде всего благодаря ей дѣтскій возрастъ, хотя и охватываетъ всего 15 лѣтъ, все же кажется самымъ длиннымъ періодомъ жизни и потому наиболѣе богатъ воспоминаніями; затѣмъ наша склонность къ скукѣ обратно пропорціональна нашему возрасту: дѣти всегда ищутъ способа какъ-нибудь провести время, будетъ ли то игра, или работа: если таковыя прекращаются, они тотчасъ начинаютъ страшно скучать. И юноши также сильно еще подвержены ей и съ безпокойствомъ думаютъ о ничѣмъ не заполненныхъ часахъ. Въ зрѣломъ возрастѣ скука все болѣе и болѣе исчезаетъ: для стариковъ время всегда коротко и дни пролетаютъ какъ стрѣла. Само собой, я говорю здѣсь о людяхъ, а не о состарившихся скотахъ. И такъ, благодаря ускоренію теченія времени, скука исчезаетъ въ болѣе поздніе годы; а такъ какъ съ другой стороны утихаютъ и страсти съ ихъ мученіями, то, въ цѣломъ, если только сохранилось здоровье, тяжесть жизни въ старости гораздо меньше, чѣмъ въ юности. Вотъ почему время, предшествующее наступленію дряхлости и болѣзней преклоннаго возраста, называютъ „лучшими годами". По отношенію къ нашему самочувствію они дѣйствительно лучшіе; наоборотъ, за юностью, когда все производитъ впечатлѣніе и живо проходитъ черезъ сознаніе, остается то преимущество, что она является плодотворнымъ періодомъ для ума, его весной, когда онъ пускаетъ свои ростки. Дѣло въ томъ, что глубокія истины можно только узрѣть, а не вычислить, другими словами, первое проникновеніе ихъ—непосредственно и вызывается моментальнымъ впечатлѣніемъ: слѣдовательно, оно возможно лишь до тѣхъ поръ, пока впечатлѣнія сильны, живы и глубоки. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ того, какъ мы воспользовались годами юности. Въ болѣе поздніе годы мы лучше можемъ вліять на другихъ, даже на міръ; тогда мы сами совершеннѣе и законченнѣе и не подчиняемся внѣшнему вліянію: но міръ менѣе вліяетъ на насъ. Поэтому эти годы —періодъ дѣйствія и творчества; годы же юности —время первыхъ воспріятій и перваго познанія.

Въ юности на первомъ планѣ созерцаніе, въ старости мышленіе; поэтому первая—время для поэзіи, вторая—скорѣе для философіи. И практически мы въ юности подчиняемся вліянію видѣннаго и впечатлѣніямъ отъ него, въ старости же руководимся только мышленіемъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что только въ старости у насъ накопилось и сведено въ понятія столь достаточное количество внѣшнихъ впечатлѣній, чтобы придавать такимъ понятіямъ полное значеніе и вѣру и въ то же время умѣрять привычкой вліяніе созерцанія. Наоборотъ, въ юности, особенно на живые и фантазирующіе умы созерцаемое, а слѣдовательно и внѣшность вещей, оказываютъ столь сильное вліяніе, что міръ представляется намъ въ видѣ картины: поэтому юноши обращаютъ главное вниманіе на то, какъ они фигурируютъ и выступаютъ на этой картинѣ гораздо болѣе, чѣмъ на то, какъ они внутренне себя при этомъ чувствуютъ. Это проявляется уже въ личномъ тщеславіи юношей и ихъ франтовствѣ.

Наибольшая энергія и высшее напряженіе духовныхъ силъ имѣютъ мѣсто, безъ сомнѣнія, въ юности, самое позднее къ 35 году: послѣ этого они начинаютъ понижаться, хотя и очень медленно. Однако болѣе поздніе годы, даже старость, не остаются безъ вознагражденія за это. Теперь только собственно дѣлаются богатыми опытъ и познанія: у человѣка было время наблюдать и размышлять о вещахъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, связывать ихъ одну съ другой, находить ихъ точки соприкосновенія и связующія звенья; и благодаря этому только теперь человѣкъ и понимаетъ ихъ, какъ слѣ-

дуетъ, въ общей связи. Все теперь уяснилось. Вотъ почему мы теперь гораздо основательнѣе знаемъ все, что мы знали уже въ юности; для каждаго понятія у насъ теперь гораздо больше основаній. Что въ юности мы считали извѣстнымъ, то въ старости мы дѣйствительно знаемъ, кромѣ того мы знаемъ гораздо больше, обладаемъ со всѣхъ сторонъ продуманнымъ и потому вполнѣ связнымъ познаніемъ; между тѣмъ въ юности наше знаніе всегда не достаточно и отрывочно. Только человѣкъ, достигшій старости, имѣетъ полное и всестороннее представленіе о жизни; онъ видѣлъ ее въ цѣломъ и въ ея естественномъ теченіи, а главное, не только со стороны входа, какъ другіе, но и со стороны выхода, благодаря чему онъ вполнѣ познаетъ суету ея; между тѣмъ всѣ прочіе все еще мечтаютъ, что настоящее то еще впереди. Наоборотъ, въ юности преобладаетъ воспріятіе, поэтому мы въ состояніи больше сдѣлать изъ того немногаго, что мы знаемъ; въ старости же болѣе выдвигаются сужденіе, проникновеніе и основательность. Исключительные умы уже въ юности собираютъ содержаніе своихъ собственныхъ познаній, своихъ оригинальныхъ воззрѣній, т. е. то, что имъ предназначено даровать міру; но господиномъ надъ такимъ содержаніемъ они становятся только въ зрѣлые годы. Согласно съ этимъ мы видимъ, что большей частью великіе писатели давали намъ лучшія свои произведенія около 50-го года. Однако юность остается корнемъ древа познанія, хотя плоды приноситъ только вершина. Но подобно тому, какъ каждое поколѣніе, не исключая и самаго жалкаго,

считаетъ себя гораздо умнѣе, чѣмъ непосредственно предшествующее ему со всѣми прежними, такъ тоже происходитъ и съ каждымъ возрастомъ человѣка; однако оба часто ошибаются. Въ годы физическаго роста, когда съ каждымъ днемъ возрастаютъ и наши умственныя силы и познанія, мы привыкаемъ пренебрежительно, съ низу вверхъ, смотрѣть на предшествующій день. Эта привычка пускаетъ корни и остается даже тогда, когда наступаетъ упадокъ умственныхъ силъ и мы должны скорѣе съ уваженіемъ смотрѣть на вчерашній день; по этой причинѣ мы въ такіе годы нерѣдко слишкомъ низко оцѣниваемъ, какъ дѣла, такъ и мнѣнія своей молодости.

Вообще, здѣсь нужно замѣтить, что хотя подобно характеру или сердцу человѣка, и интеллектъ, голова, по своимъ основнымъ свойствамъ, врожденъ, однако онъ не остается такъ неизмѣненъ, какъ первый и подверженъ многимъ перемѣнамъ, которыя въ общемъ даже наступаютъ правильно; эти перемѣны основаны отчасти на томъ, что интеллектъ имѣетъ физическую основу, отчасти на томъ, что онъ имѣетъ эмпирическое содержаніе. Такимъ образомъ, его собственная сила сначала постепенно растетъ до апогея и затѣмъ постепенно падаетъ до идіотизма. Однако, съ другой стороны, при этомъ матерія, занимающая и приводящая въ движеніе всѣ эти силы, т. е. содержаніе мышленія и знанія, опытъ, познанія, упражненіе и слѣдовательно широта кругозора все болѣе и болѣе возрастаютъ, пока не наступитъ рѣшительная слабость, опрокидывающая все. Этимъ смѣшеніемъ человѣка изъ неизмѣннаго элемента и другого правильно, въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ измѣняющагося, и объясняется различіе его духа и его достоинство въ разныхъ возрастахъ.

Въ широкомъ смыслѣ можно также сказать: первые 40 лѣтъ нашей жизни составляютъ текстъ, а слѣдующіе комментаріи къ нему, который впервые даетъ намъ возможность правильно понять истинный смыслъ и связь текста, вмѣстѣ съ его моралью и всѣми тонкостями.

Къ концу жизни происходитъ то же, что подъ конецъ бала, когда снимаются маски. Тутъ мы видимъ, кто на самомъ дѣлѣ тѣ, съ кѣмъ намъ приходилось сталкиваться въ жизни. Потому что характеры уже уяснились, дѣла принесли свои плоды, труды получили настоящую свою оцѣнку и всѣ миражи разсѣялись. Для всего этого требовалось вѣдь время.—Болѣе же всего странно то, что даже самихъ себя, свои цѣли и стремленія мы познаемъ и понимаемъ какъ слѣдуетъ только къ концу жизни, особенно въ ихъ отношеніяхъ къ міру, къ другимъ. При этомъ часто, хотя не всегда, намъ приходится поставить себя ниже, чѣмъ мы думали раньше, но иногда мы поставимъ себя и выше, именно если мы недостаточно представляли себѣ мелкоту міра и потому ставили свою цѣль выше его. Постепенно мы узнаемъ, что мы изъ себя представляемъ.

Обыкновенно юность называютъ счастливымъ временемъ жизни, а старость—печальнымъ. Это было бы вѣрно, если бы страсти дѣлали счастливымъ. А страсти рвутъ и мечутъ юношу, причиняютъ ему много страданій и мало радости. Холодную страсть

они оставляютъ въ покоѣ и человѣкъ быстро получаетъ оттѣнокъ созерцательности, потому что познаваніе становится свободно и выдвигается на первый планъ. А такъ какъ познаваніе само по себѣ безболѣзненно, то чѣмъ болѣе оно преобладаетъ въ сознаніи, тѣмъ послѣднее счастливѣе. Нужно только вспомнить, что всякое наслажденіе—негативно, всякое страданіе—позетивно, и мы поймемъ, что страсти не могутъ дѣлать счастливымъ и что нельзя сожалѣть о старости, лишенной нѣкоторыхъ наслажденій. Всякое наслажденіе есть лишь удовлетвореніе извѣстной потребности; что съ послѣдней исчезаетъ и первое, объ этомъ нужно сожалѣть столько же, какъ и о томъ, что человѣкъ послѣ обѣда не можетъ ѣсть, или проснувшись послѣ цѣлой ночи сна, не можетъ болѣе спать. Платонъ гораздо правильнѣе называетъ старость счастливой (въ началѣ „Республики"), по скольку она избавилась наконецъ отъ безпрестанно безпокоившаго до того половаго влеченія. Можно было бы даже сказать, что разнообразные и безконечные капризы, порождаемые половымъ влеченіемъ и происходящее изъ нихъ аффекты поддерживаютъ въ человѣкѣ постоянное легкое сумасшествіе, пока онъ находится подъ вліяніемъ этого влеченія, ни на минуту не покидающаго его, этого демона; такъ что человѣкъ становится вполнѣ разумнымъ существомъ только послѣ угасанія этого влеченія. Но достовѣрно, что въ общемъ, помимо особыхъ индивидуальныхъ условій и обстоятельствъ, юности присуща извѣстная меланхоличность и печальное настроеніе, а старости—радужное настроеніе:

и виной именно то, что юность все еще находится въ зависимости, даже въ рабствѣ у указаннаго демона, который рѣдко оставляетъ ей свободный часъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является непосредственной или посредственной причиной почти всѣхъ несчастій, постигающихъ или угрожающихъ человѣку; старости же свойствено до извѣстной степени радужное настроеніе человѣка, освободившагося отъ долго опутывавшихъ его сѣтей и свободно двигающагося. Съ другой стороны, однако можно было бы сказать, что съ уничтоженіемъ половаго влеченія, исчезаетъ самое содержимое жизни и остается лишь его скорлупа; жизнь можно было бы даже сравнить съ комедіей, которую начинаютъ люди, а оканчиваютъ автоматы въ людскихъ костюмахъ.

Но какъ бы тамъ не было, юность время тревогъ и волненій; старость—время покоя: уже отсюда можно вывести заключеніе о благополучіи каждой изъ нихъ. Дитя жадно простираетъ руки вдаль, ко всему, что оно видитъ пестраго и разнообразнаго: все раздражаетъ его, такъ какъ его sensorium еще совершенно свѣжъ и юнъ. Тоже проявляется еще съ большей энергіей у юноши. И его привлекаетъ пестрый міръ съ его разнообразными явленіями: фантазія рисуетъ ему тотчасъ больше, чѣмъ можетъ дать міръ. Отсюда его жажда и стремленіе къ неизвѣстному, не опредѣленному: оно отнимаетъ у него покой, безъ котораго невозможно счастье. Наоборотъ, въ старости все это улеглось: отчасти оттого, что кровь сдѣлалась холоднѣе и сензоріумъ менѣе раздражителенъ; отчасти потому, что опытъ показалъ намъ истинную цѣну вещей и

суть наслажденій, благодаря чему мы постепенно избавились отъ иллюзій, химеръ и предразсудковъ, которые прежде прикрывали и уродовали въ нашихъ глазахъ міръ; теперь мы познаемъ все яснѣе и правильнѣе, принимаемъ все за то, что оно есть, и болѣе или менѣе начинаемъ понимать цѣну всего мірскаго. Вотъ это-то именно и придаетъ почти каждому старику, даже съ самыми посредственными способностями, извѣстный оттѣнокъ мудрости, отличающій его отъ юношей. А главное, все это даруетъ намъ душевный покой, одинъ изъ важнѣйшихъ составныхъ элементовъ счастья, собственно даже условіе и суть его. Между тѣмъ, какъ юноша полагаетъ, что въ мірѣ можно достигнуть Богъ знаетъ чего, нужно лишь знать, какъ;—старецъ проникнутъ Соломоновскимъ убѣжденіемъ, что „все суета“ и знаетъ, что всѣ орѣхи пусты, какъ бы они не были позолочены.

Только въ позднемъ возрастѣ достигаетъ человѣкъ Гораціевской способности nil admirari, т. е. непосредственнаго, искренняго и твердаго убѣжденія въ суетѣ всего и пустотѣ всѣхъ красотъ міра; химеры исчезли. Онъ не воображаетъ уже, что гдѣнибудь, во дворцѣ или въ хижинѣ живетъ какое-то особое счастье, по существу большее, чѣмъ какимъ въ общемъ онъ самъ наслаждается, когда свободенъ отъ физическихъ или психическихъ недуговъ. Онъ не дѣлаетъ болѣе различія между великимъ и малымъ, благороднымъ и низкимъ по мірской мѣркѣ. Это придаетъ старцу особое спокойствіе духа, съ какимъ онъ добродушно смотритъ сверху внизъ на мірскія комедіи. Онъ окончательно во всемъ разочарованъ и знаетъ, что какъ бы мы ни разукрашивали и не прикрывали жизнь, она все же скоро проглянетъ въ своей бѣдности и ничтожествѣ посреди всего этого ярмарочнаго блеска; онъ знаетъ, что, не смотря на всевозможныя прикрасы, она по существу вездѣ одна и та же,—существованіе, истинная цѣна котораго измѣряется въ каждомъ случаѣ отсутствіемъ страданій, а не количествомъ удовольствій, и еще менѣе пышности. (Hor. epist. I, I—12, V. 1—4). Основная черта характера въ старости—разочарованность; исчезли иллюзіи, придававшія до тѣхъ поръ прелесть жизни и побуждавшія къ дѣятельности; человѣкъ позналъ ничтожество и суету всѣхъ благъ міра, и роскоши, и блеска, и славы и величія; онъ позналъ, что все, чего мы жаждемъ, всѣ наслажденія, которыхъ мы ищемъ, сводятся въ результатѣ къ очень малому, и понемногу доходитъ, такимъ образомъ, до сознанія великой бѣдности и тщеты всего нашего существованія. Только къ 70-му году мы вполнѣ понимаемъ первый стихъ Соломона. Но благодаря этому самому старость получаетъ и извѣстный оттѣнокъ угрюмости.

Обыкновенно думаютъ, что болѣзнь и скука—удѣлъ старости. Но первая вовсе не существенный признакъ старости, особенно очень глубокой, потому что crescente vita, crescit sanitas et morbus. Что же касается скуки, то я уже выше показалъ, что старость подвержена ей даже меньше, чѣмъ молодость; далѣе скука вовсе не сопровождаетъ неизбѣжно одиночество, къ которому конечно ведетъ старость по легко понятнымъ причинамъ; она не-

избѣжна лишь для тѣхъ, кто зналъ только чувственныя и общественныя удовольствія, не обогащалъ своего ума и не развивалъ своихъ силъ. Правда въ преклонномъ возрастѣ и умственныя силы убываютъ; но гдѣ ихъ было много, тамъ останется еще довольно для борьбы со скукою. Затѣмъ, какъ уже показано, благодаря опыту, знаніямъ, упражненію и размышленію, мы правильнѣе начинаемъ смотрѣть на вещи, наша способность сужденія изощряется и мы яснѣе видимъ общую связь; во всемъ мы пріобрѣтаемъ все болѣе и болѣе широкій, всеобъемлющій взглядъ на цѣлое. Такимъ образомъ, благодаря все новымъ комбинаціямъ накопленныхъ знаній и кой-когда обогащенію ихъ, наше внутреннее самообразованіе все еще во всѣхъ отношеніяхъ продолжается, занимаетъ нашъ умъ, удовлетворяетъ его и вознаграждаетъ. Всѣмъ этимъ до нѣкоторой степени компенсируется вышеупомянутый упадокъ. Къ тому же, какъ я указалъ, въ старости время течетъ быстрѣе, что противудѣйствуетъ скукѣ. Уменьшеніе физическихъ силъ вредитъ немного, если онѣ не нужны для заработка. Бѣдность въ старости—огромное несчастіе. Если ея нѣтъ и здоровье осталось, то старость можетъ быть очень сносной частью жизни. Главныя потребности ея—удобство и обезпеченность; поэтому въ старости мы еще больше, чѣмъ прежде, любимъ деньги: онѣ замѣняютъ намъ недостающія силы. Отпущенные Венерой, мы охотно ищемъ развлеченія у Вахха. Вмѣсто потребности видѣть, путешествовать и учиться является потребность учить и говорить. Большимъ счастьемъ будетъ, если у старца сохранилась еще любовь къ наукѣ, или къ музыкѣ, къ сценѣ, и вообще извѣстная воспріимчивость къ внѣшнему міру; у иныхъ она сохраняется до самыхъ глубокихъ лѣтъ. Собственная внутренняя цѣнность никогда такъ не важна, какъ въ старости. Конечно, большинство, всегда бывшее тупымъ, съ возрастомъ все болѣе и болѣе превращается въ автоматовъ: оно думаетъ, говоритъ и дѣлаетъ всегда одно и тоже, и никакое внѣшнее впечатлѣніе ничего въ этомъ не измѣнитъ и не вызоветъ въ нихъ ничего новаго. Говорить съ такими старцами все равно, что писать на пескѣ: у нихъ чуть не тутъ же исчезаетъ все впечатлѣніе. Такая старость есть конечно только caput mortuum жизни.—Это наступленіе втораго дѣтства въ глубокой старости природа какъ бы хотѣла символически выразить въ появляющихся въ рѣдкихъ случаяхъ третьихъ зубахъ.

Упадокъ силъ въ старости, все болѣе и болѣе возрастающій, конечно чрезвычайно печаленъ; но онъ необходимъ и даже благодѣтеленъ, потому что иначе смерть, которую онъ подготовляетъ, была бы черезчуръ тяжела. Поэтому высшее благо, какое приноситъ достиженіе очень преклоннаго возраста—есть евтаназія, т. е. чрезвычайно легкая смерть, не сопровождаемая никакой болѣзнью, никакими страданіями и даже не замѣчаемая; я нарисовалъ ее во второмъ томѣ вышеупомянутаго моего сочиненія въ гл. 41, стр. 534.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ (псалмъ 90, 10) продолжительность человѣческой жизни указывается въ 70 лѣтъ и въ рѣдкихъ случаяхъ въ 80; тоже самое говоритъ и Геродотъ (I. 32 и III 22). Однако это

ошибка, основанная на грубомъ и поверхностномъ толкованіи ежедневнаго опыта. Вѣдь если бы естественная продолжительность жизни равнялась 70—80 годамъ, то люди должны были умирать между 70 и 80-мъ годомъ *отъ старости*; на дѣлѣ же оно совсѣмъ не такъ: они умираютъ, какъ и болѣе молодые, *отъ болѣзней;* а болѣзнь есть по существу анормальность; слѣдовательно, такой конецъ не можетъ быть естественнымъ. Только между 90 и 100 годомъ люди умираютъ отъ старости —и тогда обыкновенно отъ нея именно—безъ болѣзней, безъ борьбы со смертью, безъ хрипѣнія, безъ судорогъ, иногда не измѣнившись даже въ лицѣ,—что и называется *евтаназіей*. Вотъ почему права книга Ведъ (Vol. II, стр. 53), которая считаетъ естественной продолжительностью жизни 100 лѣтъ.

Собственно говоря человѣческую жизнь нельзя назвать ни долгой, ни короткой*); потому что въ концѣ концовъ она сама оставляетъ мѣру времени, которой мы мѣряемъ все остальное.

Основнымъ отличіемъ юности отъ старости всегда остается то, что у первой впереди жизнь, у второй—смерть; что у первой слѣдовательно короткое прошлое и длинное будущее, а у второй — наоборотъ. Какъ бы то ни было, когда мы стары, передъ нами стоитъ только смерть, въ молодости же передъ нами жизнь; остается вопросъ, что изъ двухъ опаснѣе и не есть ли жизнь, въ общемъ, нѣчто такое, что лучше имѣть за собой, чѣмъ передъ собой; вѣдь говорится же уже въ экклезіастѣ: „день смерти лучше дня рожденія". Во всякомъ случаѣ жаждать очень долгой жизни—смѣлое желаніе. Потому что quien larga vida vive, mucho mal vive, какъ говоритъ испанская пословица.

*) Потому что какъ бы долго мы не жили, мы все же живемъ нераздѣльнымъ настоящимъ и только имъ однимъ; память же ежедневно теряетъ, благодаря забвенію больше, чѣмъ выигрываетъ, благодаря приращенію.

Конечно, жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка не зависитъ отъ планетъ, какъ думали астрологи; но жизнь человѣка вообще находится въ связи съ ними, по скольку каждому возрасту соотвѣтствуетъ одна планета въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ, такъ что жизнь человѣка послѣдовательно находится подъ вліяніемъ всѣхъ планетъ.—На десятомъ году царствуетъ Меркурій. Подобно ему, человѣкъ движется быстро и легко, по самому узкому кругу; его настроеніе мѣняется отъ мелочей; но онъ учится легко и много подъ господствомъ бога хитрости и краснорѣчія.—Съ 20 годомъ наступаетъ господство Венеры; любовь и женщины цѣликомъ завладѣваютъ человѣкомъ. На 30 году главенствуетъ Марсъ: человѣкъ тогда рѣзокъ, силенъ, смѣлъ; настроенъ воинственно и дерзко.—На 40 царствуетъ 4 планетоида: жизнь поэтому идетъ въ ширь; онъ frugi, т. е. поклоняется полезному, въ силу господства Цереры: у него есть свой очагъ, въ силу Весты; въ силу Паллады онъ изучилъ то, что ему нужно было знать; а какъ Юнона царствуетъ госпожа дома, его супруга*).—Но на 50 году владычествуетъ Юпитеръ. Человѣкъ пережилъ уже большинство остальныхъ и чувствуетъ себя выше

*) Около 60, открытыхъ послѣ того планетъ—нововведеніе, о которомъ я не хочу ничего знать. Поэтому я поступаю съ ними, какъ съ профессорами философіи: я игнорирую ихъ, такъ какъ они не подходятъ къ моей кучкѣ.

современнаго поколѣнія. Онъ наслаждается еще всею своей силой и богатъ опытомъ и знаніями: онъ (сообразно съ своей индивидуальностью и положеніемъ) обладаетъ авторитетомъ для всѣхъ его окружающихъ. Поэтому онъ не желаетъ болѣе подчиняться, онъ желаетъ самъ повелѣвать. Онъ теперь найболѣе годится въ руководители и повелители съ своей области. Такъ на кульминаціонномъ пунктѣ стоитъ Юпитеръ, а съ нимъ и 50 лѣтній человѣкъ. Но затѣмъ на 60 году, слѣдуетъ Сатурнъвмѣстѣ съ свинцовой тяжестью, медленностью и блѣдностью:

Но старики почти, какъ мертвецы:
И медленны всегда и неподвижны
И блѣдны, какъ свинецъ (Ромео и Юлія, II. 5).

Подъ конецъ остается Уранъ: тогда, какъ говорятъ, мы летимъ къ небу. Потому что Нептуна (такъ къ сожалѣнію назвало его недомысліе) я не могу считать здѣсь: я не могу называть его истиннымъ его именемъ, т. е. Эросомъ. Иначе я показалъ бы, какъ конецъ соприкасается съ началомъ, именно какъ Эросъ стоитъ въ тайной связи со смертью, въ силу которой Оркусъ, или у египтянъ Аментесъ (по Плутарху de Jside et Os. c. 29) является λαμβανων και διδους, слѣдовательно не только берущимъ, но и дающимъ, а смерть великимъ réservoir жизни. Отсюда, слѣдовательно, изъ Оркуса приходитъ все и все уже было тамъ, что теперь живетъ:—если бы только мы были въ состояніи раскрыть фокусъ, путемъ котораго это происходитъ, тогда все было бы ясно.